

*День, ночь, день, ночь
Мы идем по Африке...*

Мы идем по Африке. Старенький «Опель-рекорд» мистера Лоуренса оставлен на дороге — побитой, неровной, теряющей остатки асфальта.

*Только пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог...*

Почему я повторяю сейчас про себя эти строки Кипплинга? Может быть, потому, что с самого первого мгновения, того мгновения, когда я увидел выгоревшие на солнце саванны голубые глаза мистера Лоуренса, когда ощутил пожатие его жесткой шершавой руки, образы «храбрых капитанов», созданные Кипплингом, вдруг обрели для меня здесь, на севере Нигерии, подлинную реальность?

Или потому, что в облике мистера Лоуренса так много от солдата прежних английских колониальных войс?

На нем старые широкие шорты цвета хаки, оставляющие открытыми худые мускулистые ноги, обтянутые дряблой, прокаленной солнцем, сухой коричнево-серой кожей. Несвежие белые чулки до колен похожи на солдатские обмотки, так же похожи на бутсы воспетых Кипплингом «томми» его тяжелые пыльные башмаки.

*Только пыль, пыль, пыль
От шагающих сапог,
Отдыха нет на войне солдату...*

Сколько лет мистеру Лоуренсу? Наверное, около шестидесяти. Но отдыха у него нет. И, наверное, никогда не было: вот и теперь — уже пятый день он не расстается с нами ни на час. Его выцветшие глаза внимательны и дружелюбны. Он возит нас по саванне вокруг древнего города Зария. Он тяжело ступает в красную латеритовую пыль и бредет сквозь колючий кустарник к остаткам древних крепостных стен. Он останавливает машину у нелепого сооружения из красной глины, превращенной солнцем в камень. Он не замечает нелепости этой первой в здешних местах христианской церкви: он живет здесь давно и ко всему привык.

Я смотрю на лицо мистера Лоуренса. Сухое, усталое лицо пожилого человека. Сколько десятилетий тропическое солнце жгло эту кожу, прежде чем она стала коричнево-красной? Сколько хинина — горького, отвратительного хинина понадобилось чтобы она

приобрела этот желтоватый оттенок? И, наверное, каждый год оставлял на лице безжалостную глубокую морщину как время оставляет кольца возраста в теле дерева.

Мистер Лоуренс смотрит на часы — старомодные, крупные, на широком ремешке. Под ремешком — матерчатая лента, чтобы рука не потела от ремня. Так носят часы люди, долго жившие в тропиках. Говорят, эта манера впервые родилась в Индии.

«ВРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА»

Е. КОРШУНОВ
(АПН)

— Я думаю, нам пора возвращаться. Сейчас время ленча. А в четыре у вас лекция «Что такое коммунизм».

Голос мистера Лоуренса бесстрастен. И только потом — несколько месяцев спустя — совершенно случайно мне удалось на какое-то мгновение заглянуть ему в душу и понять, что мог он чувствовать, напоминая, что нам предстоит читать лекцию о коммунизме в Административном колледже университета Ахмаду Белло в Зарии — бывшей твердыне британской колониальной администрации на севере Нигерии.

Мы, два советских дипломата и журналист, приехали сюда по приглашению администрации, чтобы провести «Неделю Советского

Союза». И я воздаю должное выдержке мистера Лоуренса, занимавшего в колледже должность заместителя директора по работе со студентами: он сделал все от него зависящее, чтобы наше пребывание в Зарии было как можно приятнее.

Все было очень по-джентльменски. И когда все до единого европейцы — профессора, преподаватели и администраторы — явились на первую нашу лекцию — это тоже было по-джентльменски.

Мистер Лоуренс целыми днями хлопотал, чтобы актовому залу колледжа был увешан нашими фотографиями, чтобы на стендах были выставлены наши брошюры, чтобы все свободные от занятий студенты шли слушать наши лекции. И это тоже было джентльменство.

А ведь мы говорили о вещах, за одно упоминание о которых лет десять назад английская администрация бросала в тюрьму, может быть, отцов или старших братьев тех же самых студентов, которым сегодня чуть ли не вменяли в обязанность приходить на наши лекции.

Правда, никто не вменял это в обязанность рабочим городских железнодорожных мастерских, или старшеклассникам местной школы, или служащим муниципалитета, или клеркам банков, контор и административных учреждений, каждый вечер приходившим в зал колледжа. Не думаю, чтобы администрация особо нажимала и на студентов — благо, это была пора экзаменов и зачетов.

А зал был полон — он был полон каждый вечер! И было много вопросов — иногда наивных, иногда смешных, но всегда искренних — и ни одного провокационного.

Мистер Лоуренс на этих лекциях почти не бывал. Слишком много несвершенных дел набиралось у него за день, потраченный на организацию наших экскурсий по окрестностям Зарии, и он спешил сделать их вечером. Он был работяга — наш добрый старый англичанин — и всю неделю, покуда мы пребывали в Зарии, разрывался между долгом службы и долгом гостеприимного хозяина.

И вот наступил час, когда мы объявили ему, что завтра уезжаем. Мы пригласили его к нам в отель и подарили бутылку водки и коллекцию «матрешек».

Он сидел в низком кресле и чувствовал себя явно неловко. Здесь почему-то особенно бросались в глаза его поношенные шорты. Ноги казались особенно

голыми, особенно загорелыми и особенно голенастыми. И матерчатый браслет под ремешком часов выглядел особенно нелепо.

Мне показалось, что наши поделки растрогали его, но худое лицо мистера Лоуренса оставалось невозмутимым, и он неторопливо рассказывал нам о своей коллекции фотоснимков росписей домов в Зарии, которой очень гордился.

Потом он спросил, не придем ли мы к нему сегодня на ужин — скромный холостяцкий ужин.

Разве мы могли отказаться, если бы даже он был нам антипатичен? Но мы симпатизировали ему — все трое, хотя никак не могли понять почему.

— Просто он очень милый, очень тактичный, очень мягкий человек, — говорили мы друг другу и... словно чего-то не договаривали.

Вечером он приехал за нами на своем старом «Опель-рекорде». И когда вошел в холл отеля, где мы его уже ждали, он на мгновение показался нам чужим.

Он был в темном костюме, и белоснежная рубашка еще больше оттеняла его красновато-желтое лицо. Стрелки брюк были безукоризненны, и даже под ремешком часов не было матерчатого браслета.

Неожиданно для самого себя я спросил:

— Вы любите Киплинга?

Он удивленно посмотрел на меня. Его голубые глаза были внимательны и как-то вдруг беззащитны. Он на мгновение словно бы растерялся...

— Да, я люблю Киплинга, — ответил мистер Лоуренс. — И особенно «Книгу джунглей».

Через пятнадцать минут мы были у него дома. Двухэтажное здание стояло в саду. Низкорослый чернокожий стюард прилаживал к кустам гирлянду цветных лампочек.

Мистер Лоуренс что-то строго сказал ему на местном языке, и стюард заработал проворнее.

Мебель в холле была старомодная, тяжелая, из ценных пород дерева. Такой не делают уже давно. На стенах висело оружие — много африканского, знакомого мне типа, но было кое-что и явно из Индии. Здесь же висели яркие, украшенные бисером и цветными кусочками кожи длинные трубы из жести, говорящие барабаны, кожа на которых соединялась жилами-струнами и могла в зависимости от их натяжения менять тон, музыкальные инструменты из сухих тыкв-кале-

басов. Тугие кожаные подушки, расшитые яркими орнаментами, лежали около кресел.

В смежной комнате — сквозь распахнутую дверь — золотом поблескивали корешки книг. Это была библиотека — и какая библиотека! Стены были сплошь уставлены стеклянными шкафами, высоченными — от пола до потолка.

Я истосковался по такому богатству и с жадностью бросился к ним. Здесь было много старых и ценных изданий, здесь были книги на любой вкус. И, оказавшись в этой комнате, я вдруг почувствовал, что книги отгородили меня от всего, что осталось за порогом.

Африка, Азия, Европа... Не все ли равно, где я был? Это было наваждение, это была черная магия, перенесшая меня вдруг в башню из слоновой кости.

— А вот «Книга джунглей»...

Одной рукой мистер Лоуренс протягивал мне стакан виски с содой, другой — тяжелый, потрепанный том в красном кожаном переплете.

— Это любимая книга моих мальчиков!

Глаза его блестели — то ли от виски, то ли... Нет, это было бы отступлением от образа, мистер Лоуренс не мог плакать! Просто в его голубых глазах отражался электрический свет.

— Вы знаете сказку о Рикки-Тикки-Тави, охотнике на змей? В Индии очень много змей, и эта сказка нам всем была особенно понятна. Впрочем, Киплинг писал об Индии, и все мы очень любили его вещи.

— Все готово, са...

Стюард в белом кителе стоял на пороге.

— Готово, са...

Он говорил «са» — так здесь произносили слово «сэр». Но он мог бы точно так же назвать своего хозяина и словом «сахиб» — как называли стюарды своих хозяев в Индии. Или «маста», или «батура», как в других африканских странах и как повелось с тех пор, когда киплингские «храбрые капитаны» начали создавать Британскую империю.

Стол был накрыт крахмальной скатертью. Старинное столовое серебро тускло мерцало в зыбком свете цветных лампочек, развешенных между кустами. Ночные бабочки то и дело вылетали откуда-то из темноты и с треском взрывались в огнях свечей, белевших в центре стола, словно маленькие мраморные колонны.

Стюард был вышколен и отлич-

но знал свое дело. Он бесшумно менял тарелки, вовремя наполнял бокалы.

Мы тяжелели от еды и вина, и ночь становилась все более душной, и звезды казались все крупнее и ярче, и небо чернело все ниже, все ниже, и, казалось, что пройдет еще немного времени и до него будет можно достать рукой.

— Будет гроза, — сказал мистер Лоуренс. — Последние грозы сезона дождей. А потом я уеду в Англию. Мой контракт кончается. Больше нам здесь нечего делать.

— А этот дом, книги, коллекции, мебель?

Мистер Лоуренс усмехнулся:

— Вы хотите сказать, что все это рассчитано на то, чтобы жить здесь всегда? Ну что ж! Мой дед жил в Индии, мой отец жил в Индии. Я родился в Индии, и мои мальчики родились в Индии.

Он опять поднял свой бокал и спрятал взгляд в его золотистом зрачке.

— Но потом наступил момент, когда мы поняли: больше нам там делать нечего. И переехали в Африку, в Нигерию.

«В Северную Нигерию, — добавил я мысленно. — В край могущественных феодалов, предки которых были посажены в их глиняные замки «храбрыми капитанами» лорда Лугарда — жестокого и коварного строителя империи».

— Мы перевезли сюда все, что у нас было в Индии. — Мистер Лоуренс окинул взглядом дом.

«И надеялись, что сюда-то уж не донесется «ветер перемен», — продолжал я про себя. — Надеялись, что ничто не изменится здесь — в этом оплоте английского влияния. А теперь вы уезжаете и отсюда. И все надежды рухнули, и семье Лоуренсов, семье потомственных строителей и служителей империи, больше нечего делать в Африке».

— На что же вы будете жить?

— У меня будет пенсия от английского правительства. Ведь практически всю жизнь я провел на колониальной службе.

— А сейчас?

— Сейчас?

Лоуренс усмехнулся:

— Сейчас я служу по контракту с администрацией колледжа. Конечно, здесь работать все труднее и труднее. В Индии мы тоже осуществляли «косвенное управление». Но там, если я что-нибудь приказывал, мой приказ выполнялся с первого слова. Тут же приходится повторять по нескольку раз.

«А скоро эти приказы не будут выполняться вообще,— подумал я.— И вы не хотите дожить до этого времени и увидеть своими глазами, как рушится идея, ради которой жили ваш дед, ваш отец и вы. Идея, которую впитывали со сказками Кипплинга ваши мальчишки. И вам больно сейчас говорить об этом, потому что вы поняли, что и жизнь вашего деда, и жизнь вашего отца, и ваша жизнь прожиты впустую. Империя рухнула, рухнуло дело всей вашей жизни, и ваши внуки уже не будут читать Кипплинга, и никто не будет с детства внушать им, что история и провидение возложили на их плечи «бремя белого человека».

...Мы уезжали утром. Мистер Лоуренс провожал нас. На нем опять были его широкие шорты и солдатские башмаки, и опять под ремнем часов был пропотевший матерчатый браслет.

Он стоял посреди улицы, широко расставив голенастые ноги, и махал нам вслед рукою.

— Обломок империи,— тихо сказал кто-то из нас.

Мы переглянулись — и вдруг сразу поняли, почему мы так симпатизировали этому старому, усталому человеку. Мы жалели его чисто по-человечески.

Месяца через три я получил бандероль из Зарии. В ней был красный, тяжелый том «Книги джунглей». Мистер Лоуренс писал, что посылает ее моему сыну, никогда не слыхавшему о «бремени белого человека».

Я послал в Зарию книги Льва Толстого, Достоевского, Гоголя... Потом я стал посылать туда наши информационные бюллетени.

Но однажды в Лагос приехал один из профессоров колледжа. Со смущенной улыбкой он передал мне просьбу мистера Лоуренса не посылать ему больше наших бюллетеней, ибо он чувствует себя при этом очень неловко... Он не сочувствует марксизму.

Вот тогда-то я понял, что, должно быть, чувствовал мистер Лоуренс, когда помогал нам в организации наших лекций! Ведь мы привезли в Зарию идеи, которые развалили империю, развалили здание, сооружению которого лоуренсы отдали всю свою жизнь!

Но мистер Лоуренс был джентльменом. И он терпел, хотя каждое наше слово отдавалось похоронным звоном у него в душе. Он сходил со сцены так, как учил Киплинг,— красиво и с достоинством.

Бенедикт Валлет Вилакази (1906—1947)— выдающийся южноафриканский поэт, крупнейший представитель современной поэзии на языке зулу.

БЕНЕДИКТ ВИЛАКАЗИ

ПРИХОДИ

Приходи.

Мы отправимся вместе туда, где пустынно, где выходят на свет родники, и струится вода среди темно-зеленых утесов, покрытых слезящимся мохом.

Приходи, словно утром, когда ты спускаешься к нашей реке набрать воды в калebas. Там, где мирт водяной обильно цветет, полный густого медвяного сока, ты отыщешь меня.

Приходи.

Кожа твоя отликает малиновым цветом зари. Тропа, по которой идешь, изукрашена красками лета. Цветы огневые склоняют головы перед тобой до земли. Приходи. Посмотри на меня, смоляная, эбеново-черная дева. Я иду, как во сне, и колени дрожат, и оружие само выпадает из рук.

Сердце мое — пещера, где прячется горечь подобно усталому зверю. Это любовь. Я ищу тебя.

Где ты? В полях, где стрекочет сухая трава? В зарослях, в царстве ползучих лиан и диких плодов?

Я не пою о дротиках, стрелах и копьях — песни бессонного Чаки.

Слушаю только твою тростниковую флейту. Темные губы коснулись певучего горла, и вот канарейка лесная, взмахнула хвостом золотым, зазвенела, и сердце мое рассыпалось алым дождем.

Страсть разрастается так, что во мне умирает Зулус — остается только Влюбленный.

Наша любовь неподвластна рассудку. Отброшены все прорицанья, уловки испытанных магов — тщетно они ворожат и бросают кости, толкут ядовитые корни, варят волшебные травы.

Нет, ты не можешь солгать — я гляжу в глубину твоих глаз.

Душа, которую боги позвали в свой дом! Ты заблудилась ночью, сбилась с дороги к небу, осталась жить на земле, споткнувшись о Корень Любви.

Приходи, Ты — звезда в угольно-черных объятьях небес, пожар в лесу моих вен, след полевого зверька в зарослях старой травы.

Сердце мое тысячу раз поднимается в гору и падает в пропасть. Приходи. Одиночество душит меня и уходит земля из-под ног.

Приходи. Мы отправимся вместе туда, где тайна любая сбрасывает одежды, и духи предков поставят над нами небесный шалаш.

Перевел
Михаил Курганцев